

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 342.81

EDN: ITDZPC

doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-6

РОЛЬ И МЕСТО ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

Евгения Владимировна Лунгу

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия

lungu.const.law@gmail.com

Аннотация. *Актуальность и цели.* Представлено исследование роли и значения человека как субъекта конституционных правоотношений. Рассматривается его роль в различных моделях конституционализма. Актуальность исследования обусловлена изменяющимися общественными отношениями, переосмыслением и развитием теории конституционализма и, как следствие, роли и места человека как субъекта конституционных правоотношений в различных юрисдикциях. *Материалы и методы.* Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа работ, посвященных теории конституционализма и правового государства. Особое место отведено работам российских и зарубежных исследователей об особенностях разных моделей конституционализма, как традиционных, так и альтернативных. В частности, исследованы работы, посвященные особенностям конституционализма в Индии, Непале, Шри Ланке, а также моделям исламского конституционализма. Методологический арсенал включает методы сравнительно-правового и историко-правового анализа, а также анализа нормативных правовых актов. *Результаты.* Отмечается, что роль и значение человека как субъекта конституционных правоотношений имеют существенные отличия в разных юрисдикциях. Наиболее активная роль человека в конституционных правоотношениях предусмотрена французской моделью конституционализма. *Выводы.* Стабильность правового положения человека как субъекта конституционных правоотношений зависит от развитости остальных субъектов конституционных правоотношений. На его роль и место в конституционных правоотношениях оказывают существенное влияние уровень правового и экономического развития государства, исторические традиции, культурные и религиозные особенности, свойственные обществу. С развитием общественных отношений человек как субъект конституционных правоотношений испытывает дополнительное давление.

Ключевые слова: правовой статус, конституционные правоотношения, права человека, конституционализм, правовое государство, сравнительное правоведение

Для цитирования: Лунгу Е. В. Роль и место человека в конституционных правоотношениях // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 4. С. 59–67. doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-6 EDN: ITDZPC

PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

Original article

THE ROLE AND PLACE OF A PERSON IN CONSTITUTIONAL LEGAL RELATIONS

Evgeniya V. Lungu

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia

lungu.const.law@gmail.com

Abstract. *Background.* The article is devoted to the study of the role and significance of a person as a subject of constitutional legal relations. The author explores the role of a person in various models of constitutionalism. The relevance of the study is due to the changing social relations, the rethinking and development of the theory of constitutionalism, and, as a result, the role and place of the individual as a subject of constitutional legal relations in various jurisdictions. *Materials and methods.* The implementation of research objectives was achieved through the analysis of works dedicated to the theory of constitutionalism and the rule of law. Special attention was paid to the research of Russian and foreign constitutionalists on the specifics of constitutionalism in jurisdictions with different models of constitutionalism, both traditional and alternative. The methodological toolkit includes comparative legal and historical legal analysis, as well as the analysis of regulatory legal acts. *Results.* As a result, the author concludes that the role and significance of a person as a subject of constitutional legal relations differ significantly in different jurisdictions. The French model of constitutionalism provides for the most active role of a person in constitutional legal relations. *Conclusions.* The stability of the legal status of a person as a subject of constitutional legal relations depends on the development of other subjects of constitutional legal relations. The role and significance of a person in constitutional legal relations are significantly influenced by the level of legal and economic development of the state, historical traditions, and cultural and religious characteristics of society. With the development of social relations, including scientific and technological progress, the emergence of a digital state, and the introduction of artificial intelligence, the role and place of a person as a subject of constitutional legal relations are under additional pressure.

Keywords: legal status, constitutional legal relations, human rights, constitutionalism, rule of law, comparative jurisprudence

For citation: Lungu E.V. The role and place of a person in constitutional legal relations. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo" = Electronic scientific journal "Science. Society. State"*. 2025;13(4):59–67. (In Russ.). doi: 10.21685/2307-9525-2025-13-4-6

Введение

Наличие конституционных правоотношений как базовых в организации государственной власти на основе закона, признании человека его прав и свобод высшей ценностью неразрывно с концепциями конституционализма и правового государства. Широкое распространение в мире идей конституционализма связано с проблемой закрепления роли и места человека в конституционных правоотношениях. Различными юрисдикциями человек признается их субъектом. Например, в работе «Конституционное и административное право» А. В. Брэдли и К. Д. Эвинг отмечают, что конституционное право регулирует отношения между человеком и государством [1, с. 84]. В отечественной науке конституционного права человеку как субъекту конституционных правоотношений всегда уделялось особое внимание. М. В. Баглай рассматривал его как главного субъекта данных правоотношений. При этом роль и место человека

в конституционных правоотношениях в юрисдикциях отличаются, они зависят от понимания идей конституционализма, национальных особенностей реализации, культуры, религиозных традиций, общего уровня правового развития общества [2].

Материалы и методы

Появлению различных представлений о роли и месте человека в конституционных правоотношениях способствовало распространение идей правового государства и конституционализма в мире. Подавляющее большинство конституций (139) были приняты во второй половине XX в. При этом пик распространения идей конституционализма пришелся на 90-е гг. XX в., когда было принято 72 из примерно 200 ныне действующих конституций. Мы можем предположить, что большая часть конституций мира принималась с целью выстраивания каких-либо конституционных правоотношений¹.

Популяризация идей конституционализма, с одной стороны, безусловно, свидетельствует о повышении уровня конституционного развития в мире, а с другой стороны, высветила проблемы, связанные с невозможностью выстраивания традиционной либеральной модели конституционных правоотношений, присущих государствам традиционной демократии. Проникновение идей конституционализма в государства Азии, Африки, Карибского бассейна столкнулось со значительным влиянием традиционных культурных, религиозных ценностей на сложившуюся систему права.

Современной конституционно-правовой наукой в соответствии с общественным запросом все чаще предлагаются концепции конституционализма, адаптированные к объективной правовой реальности государств Азии, Востока и Африки. Широкое распространение в мире гибридных политических режимов, по мнению Марка Тушнета, способствовало теоретическому обоснованию сложившегося в этих государствах авторитарного конституционализма. «Невозможность построения либерального конституционализма в современной конституционно-правовой науке более не рассматривается как необходимость отказа от идей конституционализма. По крайней мере, в тех государствах, где альтернатива авторитаризма более вероятна, чем альтернатива либеральной демократии»². Роль и место человека в конституционных правоотношениях будут существенно различаться в зависимости от государств, оказавших влияние на проникновение идей конституционализма, исторических особенностей и культурных традиций общества [3].

Распространение конституционных правоотношений в мире, по сути, явилось закономерным процессом исторического влияния государств-метрополий на систему права заморских территорий. Исторически метрополии оказали важнейшее влияние как на распространение, так и на выбор модели конституционных правоотношений, роль и место человека [4].

Влияние английской модели конституционализма прослеживается в таких государствах, как США, Ирландия, Египет, Палестина, Израиль, Индия, Пакистан, Бирма, Шри-Ланка, ЮАР, Уганда, Нигерия. Французской правовой модели – в Гаити, Алжире, Тунисе, Сирии, Ливане, Республике Нигер, Габоне, Кот д'Ивуар, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже. В свою очередь, влияние испанских правовых традиций присутствует в Аргентине, Венесуэле, Мексике, Кубе, Перу, Эквадоре, Чили, Филиппинах. Тема влияния государств – бывших метрополий на построение конституционных правоотношений достаточно широко и подробно описывается в научной литературе [5, с. 182–195].

Обсуждение

Англо-американская модель основана на верховенстве закона и свободе индивида, не допускающей вмешательства в частную жизнь. В соответствии с общим правом широкая

¹ Law D. S., Versteeg M. The Declining Influence of the United States Constitution (May 26, 2012) // New York University Law Review. 2012. Vol. 87, № 3. P. 762–858. URL: <https://ssrn.com/abstract=1923556> (дата обращения: 24.08.2025).

² Tushnet M. V. Authoritarian Constitutionalism (December 18, 2013) // Harvard Public Law Working Paper No. 13-47. URL: <https://ssrn.com/abstract=2369518> (дата обращения: 04.09.2025).

степень личной свободы гарантировалась принципом, согласно которому граждане вольны поступать так, как им заблагорассудится, если только это прямо не запрещено законом. Они пользуются свободой вероисповедания, свободой выражения мнений и свободой собраний и могут быть лишены этой возможности только при наличии четких ограничений по общему праву или статусу.

Государство гарантирует, прежде всего, гражданские и политические права человека. Возможность обеспечить реализацию социальных и экономических прав человека ставится под сомнение. Государство не может брать на себя обязательства, в выполнении которых не может быть уверено. Оно закрепляет права человека, для того чтобы граждане их знали и могли защитить в судебном порядке. Конституционные правоотношения реализуются в вертикальной плоскости. Роль и место человека в конституционных правоотношениях зависит от органов государственной власти.

Становление конституционализма, роли и места человека в конституционных правоотношениях в Великобритании и США как основных «витринах конституционализма» прошло долгий и сложный путь, который включал не только периоды поступательного развития, но и отказы органов государственной власти в признании прав человека. Историко-правовые особенности становления конституционализма, закрепления роли и места человека в конституционных правоотношениях в Великобритании описаны Амандой Л. Тайлер в работе «Хабес корпус: очень краткое введение» [6].

Евроконтинентальная модель заключается в реализации концепции правового государства. В XXI в. большое влияние на развитие этой модели оказали идеи немецких ученых К. Шмитта, Э. Бекенферде и др. Переход от «нормы» к «порядку» [7] ставит свободу индивида в зависимость от мощи государства, поскольку, будучи сильным, оно способно гарантировать защиту прав человека, его индивидуальную свободу, порядок в обществе. Судьбы конституционализма обусловлены самим государством, его способностью расширять свободу граждан. К. Шмитт в своих работах отстаивал ценность позитивного права. Личность не признавалась им самостоятельным субъектом, ее роль и место определяются правовой системой, посредством органов государственной власти [8, с. 69].

Французская и немецкая модель правового государства, несмотря на внешнюю схожесть, по-разному оценивают место и роль человека в конституционных правоотношениях. Конституционные правоотношения с участием человека в немецкой модели носят выраженный оборонительный характер. Основная задача таких правоотношений – защитить человека от злоупотребления правом со стороны государства. Такой подход в конституционном праве Германии сформировался под влиянием итогов Второй мировой войны и получил закрепление в Основном законе ФРГ (ст. 1 Основного закона).

Французская модель статуса человека как субъекта конституционных правоотношений основана на равенстве субъектов. В отличие от соседних юрисдикций, где статус человека носит в некоторой степени зависимый характер, данная модель отличается признанием активной роли человека в конституционных правоотношениях. Каждый гражданин имеет право лично или посредством своих представителей участвовать в законотворчестве [9].

Задача государства заключалась в том, чтобы создать условия для реализации прав человека в целях обеспечения принципа социального государства. Важную роль в обеспечении реализации прав человека играют французские профсоюзы. Эффективным средством защиты прав человека от посягательств со стороны исполнительных органов во Франции считается административная юстиция.

В государствах с альтернативной моделью конституционализма значение человека как субъекта конституционных правоотношений существенно отличается. Конституция КНР в 2004 г. провозгласила принцип «уважения и защиты прав человека». Несмотря на то, что права и обязанности гражданина являются неотъемлемыми, граждане Китайской Народной Республики при осуществлении своих прав не могут ущемлять интересы государства, общества или коллектива (ст. 51 Конституции КНР). Конституция Китая содержит относительно полную правовую систему защиты прав человека на существование и развитие в соответствии

с законом и в значительной степени защищает личные и имущественные права граждан, а также свободу вероисповедания, слова и печати, собраний и ассоциаций, шествий и демонстраций, а также экономические, политические, социальные и культурные права, такие как право на социальное обеспечение и образование [10, с. 37]. Конституционные правоотношения в Китае носят выраженный вертикальный характер, где основным субъектом правоотношений выступает народ в лице Всекитайского собрания народных представителей.

Вертикальный характер конституционных правоотношений встречается не только в государствах с альтернативной моделью конституционализма. В государствах англо-американской модели человек также рассматривается как субъект, подчиненный решениям органов государственной власти. В немецкой модели человек во взаимоотношениях с государством является субъектом охраняемым и зависимым от благосостояния государства [11]. Однако в системе конституционных правоотношений Китая реализация прав и свобод человека напрямую связывается не только с возможностями, но и интересами государства. Человек обретает конституционную правосубъектность только в коллективе, как народ, чье правовое положение отражается в принципе «верховенства народа».

В государствах Южной Азии с неустойчивым конституционализмом, таких как Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш и Шри Ланка, конституционный статус человека испытывает давление от конфликта между нормами закона и социальными и политическими реалиями, которым он должен соответствовать [12]. В одних государствах с этой напряженностью успешно справляются, в других – в меньшей степени. Среди этого перечня государств наиболее стабильными конституционными правоотношениями характеризуется только Индия. Однако уровень бедности в этой стране и наличие глубоких социальных и этнических разногласий выделяют ее из числа государств с развитым конституционно-правовым статусом человека¹. В этих условиях значительная роль в поддержании конституционных правоотношений принадлежит Верховному Суду Индии, который проводит политику урегулирования конфликтов.

Для Непала и Шри-Ланки существенным фактором неустойчивости конституционных правоотношений выступает растущее влияние на политику этнической идентичности. Общим фактором нестабильности, который в значительной степени отражается на человеке как субъекте конституционных правоотношений, является неустойчивое положение других субъектов, прежде всего парламентов. Пример Индии показывает, что даже в условиях социальной и этнической нестабильности наличие авторитетных субъектов конституционных правоотношений позволяет сохранить конституционализм и, как следствие, конституционно-правовой статус человека [13].

Большое влияние на место и роль человека в конституционных правоотношениях оказывает уровень правового и экономического развития государства. Так, колумбийский политолог Г. Мурильо Кастаньо считает, что новое законодательство и политические институты Латинской Америки, несомненно, носят модернизационный характер, однако поведение в повседневной жизни ничем не отличается от предыдущего периода [14].

Несмотря на широкое распространение конституций, в научной литературе отмечается неравномерность развития конституционных правоотношений и тяготение к полярности. Отдельные регионы развиты очень хорошо, такие как Европа, Северная Америка, ряд государств Азии и Африки, однако существуют также государства со слабым уровнем конституционного развития, к числу которых, например, относятся отдельные государства Азии и большинство государств Африки. Проведенные Дэвидом С. Лоу, Милой Ферстег, Бенедиктом Годерисом исследования правовой действительности 167 государств в области реализации прав человека показали, что чаще всего осуществляются права, не требующие каких-либо действий или финансовых затрат со стороны государства. Например, по данным исследования, 100 % государств, запретивших смертную казнь, соблюдают данный запрет; право на свободу

¹ Ramachandra Guha. *India after Gandhi: The History of the World's Largest Democracy*. New York : HarperCollins, 2007. P. 1–15 ; Ashutosh Varshney, *Battles Half Won. India's Improbable Democracy*. New Delhi : Penguin, 2013. P. 3–44.

вероисповедания, запрет на произвольные аресты и задержания соблюдает 70 % государств¹. Анализ государственно-правовой действительности позволяет считать, что значительное влияние на уровень конституционно-правового развития оказывает наличие ресурсов для создания дорогостоящих конституционных институтов [15, с. 395–397].

В западной конституционной теории укоренилось убеждение, что любое сочетание религии и государства неприемлемо, поскольку оно слишком легко допускает теократию; просто слишком опасно для индивидуальных свобод позволять правительству использовать свою полицейскую власть с целью навязывания религии и религиозных законов своим гражданам. В исламской юриспруденции широко распространено мнение о том, что конечной целью шариата является содействие благосостоянию народа (маслаха)². Резко отрицательный взгляд на отношение ислама к правам человека лежит в основе вывода критиков шариата о том, что исламское право в целом не соответствует современному пониманию права и справедливости и потому не отвечает условиям нынешнего мира [16, с. 347].

Однако в работах исламских юристов конституционализм и ислам не противопоставляются. Более того, исламской правовой культуре известны равноправие и законность, являющиеся основой классического конституционализма. Однако, в отличие от европейской модели конституционализма, в исламских правовых традициях человек никогда не рассматривался в качестве субъекта. Изучение места и роли человека привлекло внимание исламских исследователей только в середине XX в.

В отличие от западных монистических теорий, исламское право основано на плюрализме правовых традиций, поэтому о месте и роли человека в исламском конституционализме высказываются противоположные точки зрения. Российские правоведы и историки придерживаются в основном единой позиции. По их мнению, центральной категорией в исламе являются не права индивида, а его обязанности. Например, еще в советскую эпоху А. Л. Могилевский писал, что «догматы веры не предоставляют прав мусульманину, у него имеются лишь обязательства перед всевышним» [17, с. 142–143]. Следуя той же логике, Н. А. Иванов утверждал, что личность в шариате никогда не играла никакой роли [18, с. 6–10]. В европейской литературе суждения о роли и месте человека в исламском праве не столь категоричны. Так, Р. Давид подчеркивал, что шариат основан на идее обязательств, возложенных на человека, а не на правах, которые он может иметь. В то же время ученый замечал, что исламское право содержит очень мало императивных положений и предоставляет широкие возможности свободной инициативе [19, с. 386, 389]. Характерной чертой исламского права является зависимость роли и места человека от воли Аллаха, однако это не всегда означает превалирование обязанностей над правами человека. Исходным принципом в отношении мирского поведения человека является дозволение.

Современная исламская мысль исходит из суждения, что роль и место человека в правоотношениях сформулированы не самим человеком, а божественной волей, которая не подвержена влиянию субъективных факторов, т.е. является объективной данностью. Основным смыслом закрепления роли и места человека правом – это не охрана от посягательств со стороны государства, как это закрепляется европейской моделью конституционализма, а претворение его предписаний, в том числе и относительно прав и свобод человека [20, с. 31].

Заключение

Таким образом, роль и место человека в конституционных правоотношениях зависят от избранной модели конституционализма. В большинстве случаев они определяются государством и зависят от исторических, культурных и геополитических особенностей его развития. Существует прямая связь между уровнем развития государства, прежде всего экономического

¹ Law D. S., Versteeg M. Sham Constitutions (1 июля 2013 г.) // 101 California Law Review. 2013. Vol. 101. P. 863. URL: <https://ssrn.com/abstract=1989979> или (In Engl.) (дата обращения: 27.09. 2025).

² Quraishi-Landes A. Islamic Constitutionalism: Not Secular. Not Theocratic. Not Impossible // Rutgers Journal of Law and Religion. 2015. Vol. 16. P. 553. URL: <https://ssrn.com/abstract=2801167> (дата обращения: 27.09. 2025).

и правового, а также ролью и местом человека в конституционных правоотношениях. В классических моделях конституционализма человек вступает в правоотношения в первую очередь по поводу реализации и защиты конституционных прав и законных интересов. Стабильность роли человека как субъекта конституционных правоотношений напрямую связана с уровнем развития других субъектов правоотношений.

Список литературы

1. Bradley A. W., Ewing K. D. Constitutional and administrative law. London : Pearson Education Limited, 2007. 922 p.
2. Государственно-правовые системы современности : монография / С. В. Архипов, Н. Н. Кирилловская, В. А. Ковалев [и др.]. СПб. : Алтей, 2023. 298 с. EDN: [HNAWJE](#)
3. Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений // Lex Russica (Русский закон). 2025. Т. 78, № 3 (220). С. 86–97. doi: [10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097](#) EDN: [HKOZXX](#)
4. Лунгу Е. В. Конституционные правоотношения и современные вызовы : монография. Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. 143 с. EDN: [EOXJSF](#)
5. Федоров М. В. Сравнительно-правовые исследования конституционализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 182–195. EDN: [RNDRXB](#)
6. Tyler Amanda L. Habeas corpus : a very short introduction. New York : Oxford University Press, 2021. 156 p.
7. Назмутдинов Б. В. От «нормы» к «порядку»: эволюция правопонимания Карла Шмитта // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 1 (324). С. 150–165. EDN: [WIRETT](#)
8. Schmitt C. Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen. Tübingen, 1914. 108 p.
9. Конюхова И. А., Векшин А. А. Конституционное право Франции: особенности отрасли и дисциплины, традиции, современные черты и тенденции развития // Правовые исследования во Франции : сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Маклакова. М. : ИНИОН РАН, 2007. С. 29–57. EDN: [NCJGGD](#)
10. China's Legal System An Interpretation of Its Structure, Principles and Institutions / ed. by Jingwen Zhu, Tao Meng, Hao Peng [et al.]. China Renmin University Press, 2023. 306 p.
11. Шмитт К. Государство и политическая форма / пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; сост. В. В. Анашвили, О. В. Кильдюшов. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 272 с.
12. Khosla M. and Tushnet M. V. Unstable Constitutionalism : Law and Politics in South Asia. New York : Cambridge University Press, 2015. 325 p. doi: [10.1017/CBO9781107706446.001](#)
13. Кравец И. А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма // Правоприменение. 2024. Т. 8, № 2. С. 33–42. doi: [10.52468/2542-1514.2024.8\(2\).33-42](#) EDN: [TODDIJ](#)
14. Muncilla H. C. F. Las coreghas dee las» Teorlas de la transicion // Revista de Ciencias Sociaies. 2002. Vo1. XIII. № 3.
15. Лунгу Е. В. Особенности конституционных правоотношений в современном зарубежном государстве: сравнительный анализ // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Воронеж, 20 октября 2022 г.). Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. С. 395–397. EDN: [TSJQCR](#)
16. Сюкияйнен Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 684 с. doi: [10.17323/978-5-7598-2324-7](#) EDN: [HOPMQT](#)
17. Могилевский А. Л. Правосознание и религия. Ашхабад : Ылым, 1977. 268 с.
18. Иванов Н. А. Социальные аспекты традиционного ислама // Азия и Африка сегодня. 1982. № 3. С. 6–10.
19. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право) / пер. с фр. М. А. Крутоголова и В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1967. 496 с.
20. Ат-Турки Абдалла бин Абдель Мухсин. Ислам и права человека. Пример Королевства Саудовская Аравия. Эр-Рияд, 1996. 84 с.

References

1. Bradley A.W., Ewing K.D. *Constitutional and administrative law*. London: Pearson Education Limited, 2007:922.
2. Arkhipov S.V., Kirilovskaya N.N., Kovalev V.A. et al. *Gosudarstvenno-pravovye sistemy sovremenosti: monografiya = State and legal systems of modern times: monograph*. Saint Petersburg: Alтей, 2023:298. (In Russ.)
3. Lungu E.V. Constitutional rights and freedoms of man in light of the digitalization of social relations. *Lex Russica (Russkiy zakon) = Lex Russica (Russian Law)*. 2025;78(3):86–97. (In Russ.). doi: [10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097](https://doi.org/10.17803/1729-5920.2025.220.3.086-097)
4. Lungu E.V. *Konstitutsionnye pravootnosheniya i sovremennye vyzovy: monografiya = Constitutional legal relations and modern challenges: a monograph*. Novokuznetsk: Kuzbasskiy institut Federal'noy sluzhby ispolneniya nakazaniy, 2022:143. (In Russ.)
5. Fedorov M.V. Comparative legal studies of constitutionalism. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2013;(4):182–195. (In Russ.)
6. Tyler Amanda L. *Habeas corpus: a very short introduction*. New York: Oxford University Press, 2021:156.
7. Nazmutdinov B.V. From "norm" to "order": the evolution of Carl Schmitt's legal conception. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie = University proceedings. Legal sciences*. 2016;(1):150–165. (In Russ.)
8. Schmitt C. *Der Wert des Staates und die Bedeutung des Einzelnen*. Tübingen, 1914:108.
9. Konyukhova I.A., Vekshin A.A. Constitutional law in France: characteristics of the branch and discipline, traditions, modern features and development trends. *Pravovye issledovaniya vo Frantsii: sb. nauch. tr. = Legal research in France: collection of scientific articles*. Moscow: INION RAN, 2007:29–57. (In Russ.)
10. Jingwen Zhu, Tao Meng, Hao Peng et al. *China's Legal System An Interpretation of Its Structure, Principles and Institutions*. China Renmin University Press, 2023:306.
11. Shmitt K. *Gosudarstvo i politicheskaya forma = State and political form*. Translated from German by O.V. Kildyushov; compiled by V.V. Anashvili and O.V. Kildyushov. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta – Vysshey shkoly ekonomiki, 2010:272. (In Russ.)
12. Khosla M. and Tushnet M. V. *Unstable Constitutionalism: Law and Politics in South Asia*. New York: Cambridge University Press, 2015:325. doi: [10.1017/CBO9781107706446.001](https://doi.org/10.1017/CBO9781107706446.001)
13. Kravets I.A. The cult of the written constitution and the dilemmas of constitutional change: scientific approaches and practical application of deliberative constitutionalism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement*. 2024;8(2):33–42. (In Russ.). doi: [10.52468/2542-1514.2024.8\(2\).33-42](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2024.8(2).33-42)
14. Munsilla H.S.F. Las soreghas dee las» Teorlas de la transicion. *Revista de Ciencias Sosaies*. 2002;XIII(3).
15. Lungu E.V. Features of constitutional legal relations in a modern foreign state: a comparative analysis. *Aktual'nye problemy deyatel'nosti podrazdeleniy UIS: sb. materialov Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Voronezh, 20 oktyabrya 2022 g.) = Current issues in the activities of penal system units: proceedings from the All-Russian scientific and practical conference (Voronezh, October 20, 2022)*. Voronezh: Izdatel'sko-poligraficheskiy tsentr «Nauchnaya kniga», 2022:395–397. (In Russ.)
16. Syukiyaynen L.R. *Islamskoe pravo i dialog kul'tur v sovremennom mire = Islamic law and dialogue of cultures in the modern world*. Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2021:684. (In Russ.). doi: [10.17323/978-5-7598-2324-7](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2324-7)
17. Mogilevskiy A.L. *Pravosoznanie i religiya = Legal consciousness and religion*. Ashkhabad: Ylym, 1977:268. (In Russ.)
18. Ivanov N.A. Social aspects of traditional Islam. *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*. 1982;(3):6–10. (In Russ.)
19. David R. *Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti (sravnitel'noe pravo) = The main legal systems of modern times (comparative law)*. Translated from French by M.A. Krutogolov and V.A. Tumanov. Moscow: Progress, 1967:496. (In Russ.)
20. At-Turki Abdalla bin Abdel' Mukhsin. *Islam i prava cheloveka. Primer Korolevstva Saudovskaya Araviya = Islam and human rights: the case of the Kingdom of Saudi Arabia*. Er-Riyad, 1996:84. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Е. В. Лунгу – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 654055, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4967-9208>

E.V. Lungu – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 49 Oktyabrsky Avenue, Novokuznetsk, 654055. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4967-9208>

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов /

The author declares no conflict of interests

Поступила в редакцию / Received 30.09.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 16.10.2025

Принята к публикации / Accepted 30.10.2025